

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Миролюбов Иван Андреевич

**Династическая политика императора
Константина Великого**

Раздел 07.00.00 – Исторические науки

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (история Древнего мира)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

- Научный руководитель** – *Маяк Ия Леонидовна, доктор исторических наук, профессор*
- Официальные оппоненты** – *Буданова Вера Павловна, доктор исторических наук, профессор, ФГБУН «Институт всеобщей истории Российской академии наук» (ИВИ РАН), главный научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований*
- Сморчков Андрей Михайлович, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности*
- Кузенков Павел Владимирович, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», доцент кафедры истории средних веков.*

Защита диссертации состоится «1» октября 2018 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета МГУ.07.04 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-416.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/119871990/>

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета,

кандидат исторических наук

Е.В. Романова

Общая характеристика работы.

На время правления императора Константина Великого (306–337 гг.) приходится окончательное утверждение домината – принципиально новой социально-политической организации Римской империи, которую можно определить как абсолютизированную военно-бюрократическую систему с сильной центральной властью во главе и широкой социальной опорой в виде императорской аристократии, армии, крупных землевладельцев и городских низов. Наиболее яркая черта в политической жизни этого периода – превращение императора из «первого среди равных» (принципат) в абсолютного монарха (собственно, господина – *dominus*). Эта трансформация, уходящая корнями во времена появления самого института императорской власти, на заключительном этапе своей реализации связывается с именами двух императоров – Диоклетиана и, как уже было сказано, Константина. В свете установления новой политической системы особенную актуальность приобретает вопрос о принципах организации императорской власти. Если тетрархия Диоклетиана была институтом совместного правления четырех наиболее способных руководителей, то Константин Великий признается в науке безусловным сторонником династической модели, основанной на кровнородственной связи¹.

Степень разработанности темы. Хотя рассматриваемый в представленном исследовании период римской истории – эпоха Константина Великого – привлекал внимание большого количества исследователей (вся литература вряд ли обозрима), а признание Константина жестким династом стало аксиоматичным, специального исследования по этому вопросу проведено не было. Вместе с тем, исследователи жизни и эпохи Константина

¹ Буркхардт Я. Век Константина Великого. М., 2003. С. 267; Рубцов П. В. К вопросу о династизме императорской власти в политической идеологии IV в. // Власть, политика и идеология в истории Европы. Барнаул, 2005. С. 76; Уильямс С. Диоклетиан: реставратор Римской империи. СПб.–М., 2014. С. 286.

в разной степени касались этой тематики. Состав семейства императора, а также источниковая база для ее изучения были очерчены в работах исследователей конца XVII столетия – Ш. Дюканжа² и Л.–С. Тиллемона³. Эпоха Просвещения в лице философа Вольтера⁴ избрала Константина в качестве объекта критики, при этом найдя благоприятную почву для нее в семейной жизни императора. Константину были поставлены в вину смерть тестя Максимиана Геркулия, зятьев Бассиана и Лициния, племянника Лициния-мл., сына Криспа и жены Фаусты. Таким образом, семейная жизнь императора была выбрана в качестве объекта его критики с моральных позиций, а сам император представлялся своеобразным деспотом. Такой подход встречается в работах Э. Гиббона⁵, Я. Буркхардта⁶ и Т. Моммзена⁷, а также позднейших исследователей. Династическая политика как мера по организации кровнородственного принципа передачи власти считалась само собой разумеющимся свойством любой монархии, как системы, между тем Константин признавался этими авторами абсолютным монархом. Отдельного внимания заслуживают статьи Г. Дессау⁸ и В. Энслина⁹. Первый

² *Du Cange C. Familia Constantini Magni // Du Cange C. Historia byzantina duplici commentario illustrata. Lutetiae Parisiorum, 1680. P. 42–51.*

³ *Tillemont L.–S. Histoire des empereurs. Vol. IV. Paris, 1692.*

⁴ *Voltaire. Portrait de l'empereur Julien // Œuvres complètes de Voltaire. T. 28. Paris, 1879. P. 2–3.* Идеалом для Вольтера является племянник Константина – император Юлиан.

⁵ *Гиббон Э. История упадка и разрушения: Закат и падение Римской империи: в 7 т. Т. 2. М., 2008. С. 263–271.*

⁶ *Буркхардт Я. Век Константина Великого. М., 2003.*

⁷ *Моммзен Т. История римских императоров. СПб., 2002.* В издании представлен курс лекций Т. Моммзена по истории Римской империи, сохранившихся в конспектах С. и П. Хензелей. По сути, данная работа заменяет (насколько это возможно) ненаписанный Моммзеном четвертый том его «Римской истории».

⁸ *Dessau H. Über Zeit und Persönlichkeit der Scriptorum historiae Augustae // Hermes. 1889. Bd. 24. S. 337–392.*

исследователь, изучив данные нарративной традиции, пришел к выводу, что родословная Константина (точнее, заявленная им родственная связь с императором Клавдием Готским) была сфабрикована; второй посвятил свою работу карьере брата Константина, Флавия Далмация. Благодаря этим исследованиям стало понятно, что династическая политика Константина выходит за рамки собственно передачи власти от отца к сыну, но является многозадачным вектором его деятельности и содержит ряд особенностей. Во-первых, это конструирование исторической реальности с целью подкрепления своего положения (фальсификация родословных); во-вторых, это более сложные, нежели связка «император и его наследники», династические конструкции, в которых использовались также члены семейного окружения (например, братья). Серьезное внимание исследователей привлекала судьба сына Константина, Криспа, и его супруги, Фаусты, которые были убиты в 326 году¹⁰. Интерес авторов, однако, был сосредоточен на причинах этих убийств, что приводило их к перетасовке скудных и невнятных сообщений традиции и спекулятивным выводам. Лишь П. Гатри в 1966 году¹¹ предложил рассматривать эти убийства не с точки зрения морали, а в контексте концепции единоличной власти Константина, внутри которой существовал механизм исключения из династии ее членов. Возникший благодаря статье В. Энслина интерес к судьбе братьев Константина получил развитие в работах о племяннике императора,

⁹ *Enßlin W.* Dalmatius Censor, der Halbbruder Konstantins I // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1929. Bd. 78. P. 199–212.

¹⁰ *Guthrie P.* The Execution of Crispus // *Phoenix*. 1966. Vol. 20, № 1. P. 325–331; *Austin N. J. E.* Constantine and Crispus, 326 A.D. // *Acta Classica*. 1980. № 23. P. 133–138; *Drijvers J.W.* Flavia Maxima Fausta: Some Remarks // *Historia*. 1992. Bd. 41. H. 4. P. 500–506; *Woods D.* On the Death of the Empress Fausta // *Greece & Rome*. 1998. Vol. 45. № 1. P. 70–86.

¹¹ *Guthrie P.* Op. cit. P. 327.

императоре Юлиане¹². Исследователи обращали внимание на фигуру его отца, еще одного брата Константина – Юлия Констанция. Особое внимание уделялось также положению женщин внутри династии Константина (в особенности – его матери Елены)¹³.

Новейшие исследователи эпохи и личности Константина Великого – Т.Д. Барнс¹⁴, Ч.М. Одал¹⁵, Х. Брандт¹⁶, Д. Бёрджесс¹⁷ – признавая династическую политику отдельным вектором его деятельности, видят ее главным планируемым итогом организацию новой четверной императорской коллегии по образцу тетрархии Диоклетиана, однако основанной на кровнородственном принципе («христианская тетрархия» – термин Ч.М. Одала). Эта точка зрения широко распространена, однако встречает как частные, затрагивающие проблему обоснованности этой точки зрения источниками (Д. Вудс¹⁸), так и общие (Б. Блекманн¹⁹) возражения.

Актуальность темы исследования. В целом, на сегодняшний день под изучением династической политики императора Константина Великого подразумевается история его семьи, что нашло свое отражение в работах Й.

¹² *Browning P.* The Emperor Julian. Berkley – New York, 1976; *Bowersock G.W.* Julian the Apostate. Cambridge, 1978.

¹³ *Holum K.G.* Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity. Berkley – Los Angeles – London, 1989; *Drijvers J.W.* Helena Augusta. Leiden, 1992; *Фрейзенбрук А.* Первые леди Рима: женщины в тени императорского трона. М., 2017.

¹⁴ *Barnes T.D.* Constantine and Eusebius. Cambridge–London, 1981; *Barnes T.D.* Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Malden–Oxford–Chichester, 2014.

¹⁵ *Odahl Ch.M.* Constantine and the Christian Empire. London – New York, 2010.

¹⁶ *Brandt H.* Konstantin der Grosse: der erste christliche Kaiser. München, 2007.

¹⁷ *Burgess R.W.* The Summer of Blood: The "Great Massacre" of 337 and the Promotion of the Sons of Constantine // *Dumbarton Oaks Papers*. 2008. Vol. 62. P. 41–42.

¹⁸ *Woods D.* Numismatic Evidence and the Succession to Constantine I // *Numismatic Chronicle*. 2011. № 171. P. 190.

¹⁹ *Bleckmann B.* Constantina, Vetricano, und Gallus Caesar // *Chiron*. 1994. № 24. S. 39–40.

Винанда²⁰ и Р. Фрейкса²¹. Слабое освещение получили: вопрос о степени влияния на Константина политического опыта тетрархии, проблема возможной передачи власти Константину его отцом, императором Констанцием Хлором, степень задействованности внутри династических конструкций императора его братьев и сестер. Не изучались в комплексе такие механизмы, как кооптация членов семьи во власть и удаление членов династии из ее состава через проклятие их памяти. Серьезное внимание следует обратить на организацию принципа передачи власти внутри династии Константина, так как исследователи, стремясь приписать Константину тяготение к тетрархиальной модели, несколько вольно обращаются с данными источников, которые не дают столь однозначного ответа на поставленный вопрос. Наконец, организация династии, внутри которой власть передавалась бы от отца к сыну, представляется исследователям самоцелью; возможные иные цели династической политики Константина исследователями не обозначались и не рассматривались. Нерешенными остаются и мелкие частные вопросы, в разной степени связанные с проблемой организации династии: происхождение родителей Константина, статус их отношений в контексте династической политики их сына, количество браков императора и, как следствие, происхождение его детей; династические браки внутри династии Константина. Все это приводит нас к выводу, что заявленная в диссертационном исследовании тема обладает научной актуальностью, так как обозначенный вектор деятельности императора Константина нуждается в углубленном комплексном изучении.

Научная новизна представленной работы, таким образом, состоит в том, что она является первым в отечественной науке комплексным исследованием

²⁰ *Wienand J.* La famiglia e la politica dinastica di Costantino // Costantino I. Enciclopedia Costantiniana sulla figura e l'immagine dell'imperatore del cosiddetto Editto di Milano 313–2013. Vol. I. Rom, 2013. P. 23–52.

²¹ *Frakes R.M.* The Dynasty of Constantine Down to 363 // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / edited by N. Lenski. New York, 2006. P. 91–107.

династической политики императора Константина Великого, как отдельного и четко продуманного вектора его деятельности.

Объектом данного исследования является семья императора Константина Великого, которая, ввиду его тяготения к кровнородственному принципу организации власти, и должна была стать основным ресурсом для построения династии. **Предметом же исследования** является комплекс мер, задействованных Константином для создания династии из членов своей семьи – т.е. собственно династическая политика. Принимая во внимание то обстоятельство, что устройство кровнородственной династии Константином Великим не было уникальным случаем в римской политической практике, **целью данного исследования** мы определяем понимание того, какова была специфика собственно династической политики, принципы которой Константин сформулировал во время своей политической карьеры и которую он реализовывал в годы своего правления. Мы намеренно соотносим **хронологические границы нашего исследования** со временем жизни самого Константина (270-ые – 337 гг.), так как, с одной стороны, необходимо учесть время его становления как политического деятеля, с другой – важно понимать, что после смерти Константина 22 мая 337 года произошел политический кризис, в результате которого было убито множество родственников императора. Данный кризис, до сих пор не получивший в историографии точного определения²², не отняв власти из рук представителей семьи Константина, тем не менее, стал зримой чертой, подведшей итог династической политики императора, после которого руководство государством перешло в руки его сыновей. Их деятельность является отдельной темой для перспективного научного исследования.

Для разработки заявленной цели представляется правильным выделить следующие **исследовательские задачи**:

²² Разнообразные обозначения этого кризиса в научной литературе: Григорюк Т.В. 337 год: кризис власти в Римской империи и «убийства принцев» // Вестник древней истории. 2012. № 2. С. 155.

– во-первых, принимая во внимание тот факт, что юность и формирование политических взглядов Константина Великого прошли в эпоху правления императоров-тетрархов, мы должны понять, насколько установленный внутри тетрархии Диоклетиана принцип организации императорской власти повлиял на воззрения Константина;

– во-вторых, необходимо выяснить, в какой момент своей политической карьеры император Константин сделал выбор именно в пользу кровнородственного династизма и чем этот выбор обусловлен (в частности, чем его обуславливал сам Константин);

– в-третьих, следует определить, какова была конкретная конечная цель проводимой Константином Великим династической политики;

– в-четвертых – ввиду того, что семья Константина Великого была и главным инструментом, и объектом его династической политики, мы должны уяснить его отношения с семейным окружением, выявив степень участия его членов в династических конструкциях императора;

– в-пятых, следует понять, как сам Константин организовал систему наследования внутри своей династии и насколько она могла быть реализована (с учетом случившегося после его смерти внутрисемейного кризиса).

Структура представленного исследования определяется этими задачами и еще одним важным обстоятельством. Император Константин Великий держался у власти дольше, чем кто-либо из его предшественников (кроме императора Августа), однако большая часть его правления (306–324 гг.) прошла в условиях борьбы за единоличную власть. Именно поэтому, при изучении любого вектора его деятельности необходимо учитывать влияние на него текущей политической ситуации. В связи с этим нам не представляется правильным заранее разбивать династическую политику Константина на сумму механизмов, которые будут рассматриваться в отрыве от общеисторического контекста. Такая практика не только не учитывает

политического развития самого Константина, а также влияния на те или иные его решения внешних причин, но и может привести к сугубо ошибочным выводам. В качестве примера можно заметить, что возведение Константином в достоинство цезаря (младшего соправителя) своего зятя Бассиана в 316 году и своего племянника Далмация в 335 году с формальной точки зрения – явления одного порядка, однако условия, в которых эти меры были осуществлены, а также итог этих действий приводят нас к мысли о том, что их никак нельзя рассматривать под одинаковым углом зрения.

Методология представленного исследования основывается на традиционной инструментальной исторической науке. С помощью историко-системного метода мероприятия Константина Великого, направленные на изменение статуса членов своей семьи, привлечение их к власти или, напротив, удаление от нее или от общественной в жизни в целом, были рассмотрены в комплексе, т.е. как последовательный и имеющий внутреннюю логику вектор деятельности (собственно, династическая политика). Историко-генетический метод позволил рассмотреть династическую политику Константина в динамике ее развития, изучить ее особенности и основные тенденции. С помощью сравнительно-исторического метода была выявлена степень связи династической политики Константина с предшествующим политическим опытом Римского государства, особенно – с принципами организации императорской власти внутри тетрархии Диоклетиана. Применение проблемно-хронологического метода позволило проследить логику и последовательность реализации Константином своей династической политики.

Источниковая база исследования. Разрешение поставленных задач возможно лишь с опорой на источниковую базу, которая чрезвычайно обширна применительно к эпохе Константина Великого. В первую очередь следует отметить источники, имеющие официальное происхождение: письменное наследие самого императора Константина (законы, письма и речи), панегирики в честь императора, а также данные нумизматики и

эпиграфики. Большое значение имеют памятники материальной культуры: скульптурные портреты (изображения членов династии Константина) и архитектурные сооружения (связанные с именем императора и / или членов его семьи). Изучение этих источников помогает осмыслить династическую политику как последовательный процесс кооптации членов семьи императора во власть. Исторический фон, а также причины, руководившие Константином, нашли отражение в обширной нарративной традиции. Диссертант при классификации авторов руководствовался в первую очередь их языковыми и конфессиональными предпочтениями, а внутри оформленных групп применял хронологический принцип. Латинская традиция о Константине (Лактанций, Аноним Валезия, Аврелий Виктор, Евтропий, Иероним, Псевдо-Аврелий Виктор, Орозий) отличается емким и сжатым изложением, а также относительно слабым (даже в случае с христианскими авторами) интересом к религиозному вектору деятельности императора. Напротив, греческая традиция подразделяется на две противоборствующих группы, включающих церковных (Евсевий, Сократ Схоластик, Созомен, Филосторгий) и языческих авторов (Юлиан, Либаний, Зосим) соответственно. Большое значение имеет также византийская традиция о Константине (Иоанн Малала, Феофан, Иоанн Зонара и другие авторы), вобравшая в себя сообщения из недошедших до нас источников. Вместе с тем, при работе с ней следует учитывать тот факт, что она создавалась в эпоху активной мифологизации образа Константина, что не могло не сказываться на качестве передаваемой информации. Рассмотрев источниковую базу, автор исследования пришел к выводу, что при решении поставленных им задач невозможно опираться только на одну какую-либо категорию источников, но необходимо подвергать их комплексному анализу для достижения максимальной объективности.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что сформулированные в нем выводы позволяют составить более четкое представление об идеологии императорской власти Константина Великого и

династизме в политической истории Римской империи на заключительном этапе ее существования. Кроме того, исследование является основой для дальнейшего перспективного исследования в области просопографии, генеалогии и хронологии эпохи Поздней Римской империи.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при разработке как общих курсов по истории Древнего Рима, так и специальных курсов по темам, связанным с историей и идеологией императорской власти в Древнем Риме, античной культурой, искусством, литературой, а также историографией античной истории.

Положения, выносимые на защиту. Представленная работа является первым комплексным исследованием династической политики императора Константина Великого (306–337 гг.) как отдельного вектора его деятельности. В ходе исследования были выработаны следующие положения:

- при безусловном влиянии политического опыта тетрархии Диоклетиана на династические конструкции Константина Великого, последние являются не естественным продолжением или развитием тетрархиального принципа организации власти, а ответом на его кризис и постепенную деградацию;
- крах тетрархии был обусловлен не «узурпациями» Константина и Максенция в 306 году, а отсутствием четко продуманного принципа передачи власти внутри самой созданной Диоклетианом тетрархиальной коллегии и действиями младшего поколения тетрархов (особенно – Галерия);
- между участниками первой тетрархии – Констанцием Хлором, отцом Константина, с одной стороны и Диоклетианом с прочими соправителями с другой – существовали противоречия, которые сподвигли Констанция к выдвижению своего сына в императоры;
- схема раздела сфер влияния в 335 году между сыновьями и племянниками не была итоговым решением Константина Великого и не может рассматриваться как его политическое завещание. Последнее, в свою

очередь, не только не может быть реконструировано, но и, с большой долей вероятности, представляется никогда не существовавшим;

– Константин Великий не только не сформулировал итогового принципа передачи власти, но и отказался от него в виду невозможности определиться с фигурой наследника / наследников, нереализованного плана по переустройству Римского мира (по результатам планировавшегося персидского похода), а также по личным причинам;

– главной целью династической политики Константина Великого являлось обеспечение бессмертия (в идейно-политическом смысле) его собственной фигуре, которая была центральной внутри династических конструкций и на которой сходились линии предков и потомков.

Апробация исследования. Ряд основных положений представленного диссертационного исследования изложены в 9 публикациях диссертанта, 6 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 07.00.03 – Всеобщая история. Общий объем публикаций по теме – 5 п.л.

Кроме того, ряд положений был разработан автором диссертационного исследования в рамках научных докладов на всероссийских и международных научных конференциях, в т.ч. на XIX и XX Сергеевских чтениях на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (2015; 2017 гг.); на XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (2014–2018 гг.); на XXI конференции «Индоевропейское языкознание и классическая филология» (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург; 2017 г.).

Работа была обсуждена на заседании кафедры Истории древнего мира МГУ имени М.В. Ломоносова и получила рекомендацию к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история.

Основное содержание работы.

Во **Введении** диссертант сформулировал цели и задачи своего исследования, а также принятую в нем методологию анализа. Значительные по объему параграфы посвящены обзору источниковой базы исследования (которая была тщательно классифицирована) и научной литературы, в которой затрагивалась тема представленного диссертационного исследования или вопросы, с ней в разной степени связанные.

Первая глава исследования – «Истоки династической политики Константина Великого» – включает в себя четыре параграфа. Первый посвящен принципу организации и передачи власти внутри тетрархии Диоклетиана – формы императорской власти, предшествовавшей единовластию Константина. Анализируя процесс привлечения Диоклетианом к власти своих соправителей (августа Максимиана Геркулия и цезарей, т.е. младших соправителей, Констанция Хлора и Галерия), автор диссертационного исследования приходит к выводу, что тетрархия Диоклетиана была основана на меритократическом принципе. К власти привлекались наиболее подходящие (в соответствии с текущей обстановкой в государстве) и способные люди, которые должны были править на основании взаимного согласия и товарищеских чувств (со-основатели тетрархии – Диоклетиан и Максимиан Геркулий – были сослуживцами). Подобная концепция представляется несколько идеалистической, особенно с учетом того обстоятельства, что Диоклетиан, сам не имевший сыновей, практически никак не учел факт наличия у своих соправителей сыновей, которые, между тем, естественным образом могли претендовать на положение наследников своих августейших отцов. Таким образом, по мнению диссертанта, внутри самой тетрархии Диоклетианом были заложены механизмы ее разрушения.

Второй параграф главы посвящен кризису тетрархии, который наступил в период самостоятельного правления второго поколения императоров-тетрархов (Констанция Хлора и Галерия). Особое внимание автор

диссертационного исследования уделяет сообщениям традиции о расхождении Констанция Хлора со своими соправителями по ряду важных вопросов (политика в сфере религии и налогообложения), а также об удержании его сына, будущего Константина Великого, при дворе Диоклетиана и Галерия в качестве заложника. Углубленный анализ данных источников приводит диссертанта к мысли о существовании внутри тетрархии конфронтации между Констанцием Хлором и прочими ее участниками во главе с Диоклетианом. В этой связи, факт участия Констанция Хлора в провозглашении своего сына императором 25 июля 306 года, фиксируемый рядом авторов (например, современниками Константина – Лактанцием и Евсевием), не выглядит невозможным. Это, в свою очередь, дает возможность оценить степень влияния Констанция Хлора, передавшего власть сыну, на его дальнейший выбор в пользу кровнородственного принципа при организации своей власти. Отдельно стоит заметить, что фигура императора Констанция Хлора привлекала сравнительно скромное внимание исследователей; таким образом, озвученные выводы могут стать основой для дальнейшего перспективного изучения его личности и деятельности.

Однако Константин, приняв власть из рук отца, все же учитывал факт существования тетрархической конституции и ее весомости в данной политической ситуации. В ее рамках он и попытался первоначально легитимировать свое положение, вступив в переговоры с императором Галерием. Отношению Константина к тетрархической конституции посвящен третий параграф, описывающий крах и падение тетрархии. Диссертант отмечает тот факт, что путь легитимации своего положения, избранный Константином, совмещал как элементы принципа династизма, так и положения конституции тетрархии. Последняя, между тем, деградировала по причине грубых ее нарушений со стороны императора Галерия, являвшегося после ухода Диоклетиана ее гарантом. Признав Константина цезарем внутри тетрархии, он, тем не менее, отказал ему в причитающемся в

307 году вакантном титуле августа, а в 308 году и вовсе передал его своему другу Лицинию, который не прошел положенной ступени младшего соправителя. Подобная дискредитация положений тетрархической конституции дала возможность Константину постепенно разорвать с ней всякие связи и затем уже легитимировать свое положение через кровнородственный принцип. В четвертом параграфе рассматривается сконструированная им родословная, включавшая отца, Констанция Хлора, и «благородного предка», императора Клавдия Готского. Присоединяясь к господствующей в науке точке зрения о второй генеалогической связи, как о фабрикации²³, автор представленного исследования предлагает рассмотреть ее как пример конструирования Константином Великим прошлого. Подводя итоги главы, диссертант отмечает, что династическая политика Константина Великого уходит корнями в тетрархию Диоклетиана, однако является не развитием положений ее конституции, а ответом на ее постепенную деградацию и кризис.

Вторая глава – «Семейное окружение Константина Великого», – содержащая три параграфа, посвящена степени участия в династических конструкциях Константина членов его семьи. В то время как отец, Констанций Хлор, и заявленный предок, Клавдий Готский, к моменту начала активной политической карьеры Константина были уже мертвы и являлись по сути идеологемами, которые Константин мог относительно свободно задействовать в рамках собственной пропаганды, его семейное окружение включало вполне реальные фигуры. Пойдя по пути организации императорской власти в рамках кровнородственного принципа, Константин

²³ *Jones A.H.M.* Constantine and the Conversion of Europe. London, 1965. P. 65–66; *Leadbetter B.* The Illegitimacy of Constantine and the Birth of the Tetrarchy // *Constantine: History, Historiography and Legend* / edited by N.C. Lieu and D. Montserrat. London–New York, 1998. P. 79–81; *Brandt H.* Op. cit. S. 37; *Lenski N.* The Reign of Constantine // *The Cambridge Companion to the Age of Constantine* / edited by N. Lenski. New York, 2006. P. 66; *Barnes T.D.* Constantine: Dynasty... P. 72–73.

должен был найти для своих родственников какое-то место внутри своих династических конструкций. В первом параграфе главы рассматривается положение матери императора, Елены, которая в конце жизни достигла положения августы. Диссертант особенно сосредотачивается на вопросе о статусе отношений родителей Константина. Анализируя данные источников, он приходит к выводу, что сам факт наличия между ними официального брака не влиял на положение молодого Константина, так как императоры-тетрархи, при дворе которых он рос, не делали различий между сыном жены и наложницы. Парадоксально, но невольным инициатором обсуждения этой темы стал сам Константин, укреплявший свою власть с помощью династизма и тем побудивший к выступлению другого императорского сына – Максенция. Именно из лагеря последнего происходит первое с точки зрения хронологии признание Константина «незаконным сыном». Сам факт брака родителей Константина, по мнению автора диссертационного исследования, невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть в силу противоречивости данных традиции. Куда интереснее обратить внимание на решение этого вопроса самим Константином, который в период борьбы за единовластие (306–324 гг.) старался держать фигуру матери в тени, а достигнув абсолютной власти в 324 году, поспешил признать брак между своими родителями не подлежащим сомнению фактом. Здесь, таким образом, мы вновь имеем дело с примером того, как Константин манипулирует фактами для создания выгодной ему картины своего происхождения.

Второй параграф главы посвящен спутницам императора Константина Великого. Диссертант приходит к мысли, что женщинам императора (Минервина, чей статус не может быть установлен на основании данных источников и является предметом дискуссии, и супруга Фауста) отводилась вспомогательная роль матери детей императора. Сами по себе эти женщины не играли в его династической политике никакой серьезной роли; особенно это примечательно в ситуации с Фаустой, которая была официальной женой Константина в годы его правления и с 324 года носила титул августы. Будучи

дочерью Максимиана Геркулия, она обеспечила своему мужу необходимый на момент заключения брака политический союз и, в перспективе, укрепила родословную его сыновей, дав им августейшего деда. Однако эта генеалогическая связь никогда не реализовывалась через ее персону. Ее гибель при невыясненных обстоятельствах в 326 году никак не отразилась на образе императорской семьи, который создавался пропагандой (например, у биографа Константина, Евсевия). Их с Константином сыновья представляются как дети своего отца, сходные с ним нравом и обликом; образ матери совершенно уходит в тень.

В рамках научной проблемы о количестве браков Константина Великого²⁴, диссертант уделяет внимание вопросу о гипотетическом третьем браке императора или наличии у него наложницы (или наложниц). По его мнению, некоторые косвенные свидетельства источников, дающие ряду исследователей право предполагать такие связи, не могут быть достаточным обоснованием. Более того, данные, указывающие на наличие у Константина наложниц в период правления, происходят из враждебной к императору языческой традиции (Юлиан, Либаний, Зосим) и могут рассматриваться в рамках «черной легенды» о нем.

Третий параграф главы посвящен детям Констанция Хлора от супруги Феодоры, то есть единокровным братьям и сестрам Константина. Автор диссертационного исследования отмечает, что само по себе наличие у правящего римского императора нескольких братьев – случай до некоторой степени уникальный для истории императорского Рима. Ситуация, в которой оказался Константин, примечательна также и тем, что происхождение его братьев и сестер не было предметом дискуссии (в то время как вопрос брака между родителями Константина, как мы видели, стал предметом дискуссии) и, соответственно, было статусно выше, чем его собственное происхождение.

²⁴ *Chausson F.* *Stemmata Aurea: Constantin, Justine, Théodose: Revendications généalogiques et idéologie impériale au IV s. ap J.–C.* Roma, 2007. P. 109–110; *Barnes T.D.* *Constantine: Dynasty...* P. 150–152.

Отношения с братьями и сестрами Константин выстраивал по-разному. Две из трех сестер (Констанция и Анастасия) стали жертвами его политических игр: они были выданы замуж ради политических союзов, а затем овдовели по воле августейшего брата. Эти династические браки приходится на то время, когда Константин еще только ждал детей в браке с Фаустой и потому нуждался в подкреплении династического аргумента какими-то иными, кроме возвышения порфирородных детей, способами. Братьев же, несмотря на их положение потенциальных соперников, Константин признал членами династии (что следует из традиции используемых внутри династии *cognomina* и особенно *nomina*), осыпал почестями и дал возможность реализовать себя на государственном поприще. Последнее обстоятельство дает возможность более глубоко увидеть характер самого Константина и отказаться от стереотипа в оценке его семейной истории как безусловно черного пятна его биографии²⁵. Подводя итоги, диссертант приходит к выводу, что династия императора Константина Великого не ограничивалась строгой линией «предки – родители – Константин – его дети», но включала также членов его семейного окружения, в отношении которых император выстраивал индивидуальные модели кооптации в династию.

Третья глава – «Наследники Константина Великого», – посвященная проблеме организации Константином Великим принципа передачи власти внутри династии, разделена на три параграфа. Первые два посвящены сыновьям Константина – Криспу и сыновьям Фаусты (Константину-мл., Констанцию, Константу). Рассматривая карьеру Криспа, автор диссертационного исследования приходит к выводу, что в период 324–326 гг. император Константин, достигший единовластия, тяготел к принципу единонаследия. Единоличным наследником в рамках этой схемы выступал Крисп, который зарекомендовал себя как деятельный помощник отца и до некоторой степени самостоятельная фигура. Дальнейшему продвижению

²⁵ Моммзен Т. Указ. соч. С. 502.

Криспа помешали события 326 года, которые привели к его падению и гибели. Абстрагируясь от поздних и подчас явно фантазийных сообщений традиции о причинах, побудивших Константина к устранению сына, автор рассматривает эти события исключительно с точки зрения династических конструкций. Падение Криспа и последовавшее за этим проклятие его памяти являются иллюстрацией исключения члена династии из ее состава, а также жесткой воли самого Константина. С другой стороны, устранение Криспа обостряло вопрос о принципах передачи власти. Во втором параграфе автор рассматривает кооптацию во власть сыновей Константина от Фаусты. Однако прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, диссертант сосредотачивается на существующем в науке вопросе о происхождении Константина-мл., который считается рядом исследователей сыном императора от наложницы, а не супруги Фаусты²⁶. Подобный вывод основан на трудности с вычислением даты рождения Константина-мл. Проанализировав данные источников (сообщения нарративной традиции, а также данные эпиграфики), автор присоединился к мнению тех исследователей, которые считают Константина-мл. сыном Фаусты. Этот вывод, в свою очередь, снимает вопрос о возможном противоречии между ним и его младшими братьями на основании происхождения. Процесс кооптации Константином своих сыновей от Фаусты во власть, рассмотренный автором диссертационного исследования, не был строго продуманной и последовательной линией в рамках династической политики императора. Старший из трех сыновей, Константин-мл., был провозглашен цезарем в 317 году, не имея еще и году от роду. Это провозглашение должно было подкрепить позицию самого Константина в рамках борьбы с Лицинием: последний выставил в качестве цезаря (младшего соправителя) своего сына, которому Константин противопоставил уже взрослого Криспа и порфирородного Константина-мл. Семилетний Констанций был

²⁶ Об этой точке зрения: *Seeck O. Constantinus (3) // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. IV/7. Stuttgart, 1900. Sp. 1026.*

провозглашен цезарем в 324 году, вскоре после победы Константина над Лицинием. Провозглашение состоялось на территории, которая до того контролировалась как раз Лицинием. Данное обстоятельство подчеркивает идейный характер провозглашения: фигура молодого цезаря должна была заменить свергнутую династию Лициния. Таким образом, два сына Фаусты были привлечены к власти на правах декоративных фигур; с точки зрения своих возможностей и амбиций они явно проигрывали старшему по возрасту Криспу, который в этот период выглядит бесспорным наследником своего отца. Неясным оставалось положение последнего сына императора, Константа, который, родившись в период завершения борьбы Константина против Лициния, получил характерное имя (*constans* – лат. стойкий, твердый). Его провозглашение цезарем состоялось лишь в декабре 333 года, при этом источники не дают внятного объяснения причин его выдвижения. Диссертант допускает возможность связи этого провозглашения с восстанием Калокера на Кипре (333/334 гг.), которое было, по сути, единственным примером узурпации в период единоличного правления Константина Великого (324–337 гг.); таким образом, привлечение власти этого сына могло подчеркивать факт незыблемости и крепости императорской династии перед лицом возможных узурпаций. Однако теперь Константину предстояло решить, каким образом организовать передачу власти, имея трех сыновей-наследников. В 335 году Константин разделил империю на сферы влияния, присоединив к своим сыновьям двух племянников, сыновей своего брата Флавия Далмация – Далмация-мл. и Ганнибалиана-мл. Первый вместе с титулом цезаря получил под свой контроль Балканский регион с отстроенным Константинополем, второй получил титул «царя царей и народов Понта» и руку дочери Константина, которая, по сообщению Филосторгия, была отмечена отцом титулом августы. Провозглашение Константином четырех цезарей привело многих

исследователей²⁷ к мысли, что император при организации принципа передачи власти выбрал тетрархиальную модель, основанную, однако, не на меритократическом, а кровнородственном принципе. Автор представленного исследования не согласен с этой точкой зрения. Тетрархия подразумевала совместное правление двух августов и двух цезарей, между тем как из числа потенциальных наследников Константин никого не определил на роль августа. Некоторые исследователи пытались угадать августов в двух старших членах коллегии наследников – Константине-мл. и Констанции²⁸. Свои выводы они обосновывали чеканкой золотых монет в их честь. Однако подобные заключения выглядят спекулятивно, так как отсутствие находок золотых монет с посвящением прочим членам династии еще не означает того, что они не чеканились вовсе. Кроме того, стремление ряда исследователей навязать Константину тетрархиальную модель никак не объясняет, почему стратегически важный Балканский регион был передан именно племяннику, а другой племянник получил титул, который явно должен был быть подкреплён по итогам планировавшегося Константином персидского похода. Таким образом, схема раздела сфер влияния в 335 году не выглядит итоговым планом Константина по организации передачи власти. Такой план мог содержаться в завещании Константина, однако данные нарративной традиции свидетельствуют, что завещание, если оно действительно было написано, не содержало в себе политической части (т.е. политическое завещание Константина Великого не было составлено). Между тем, по данным источников Константин умирал в полном сознании. Причины его отказа от решения вопроса с передачей власти автор исследования склонен объяснить следующими обстоятельствами. Во-первых, судя по привлечению к власти племянников, один из которых носил титул «царя

²⁷ Буркхардт Я. Указ. соч. С. 278–279; Моммзен Т. Указ. соч. С. 509; Barnes T.D. Constantine and Eusebius... P. 251–254; Barnes T.D. Constantine: Dynasty... P. 165–166; Odahl Ch.M. Op. cit. P. 263–266; Brandt H. Op. cit. S. 152–153.

²⁸ Burgess R.W. Op. cit. P. 42.

царей» и получил в жены римскую августу, план Константина по организации передачи власти был увязан с переустройством римского мира, которое могло быть реализовано по итогам планировавшегося персидского похода. Так как поход не состоялся по причине болезни и скорой смерти Константина, то существовавшее положение вещей вынуждало императора признать права на власть со стороны либо всех участников коллегии наследников, либо кого-то одного. Оба варианта были чреваты неминуемой усобицей. Во-вторых, перед смертью Константин принял крещение; психологическое состояние императора, зафиксированное благодаря свидетельству его биографа Евсевия, позволяет предполагать, что перед смертью Константин больше был озабочен духовными проблемами. На этом фоне особое значение приобретает его демонстративный отказ от императорских регалий и тот факт, что за все время болезни он ни разу не изъявил желания вызвать к себе кого-то из своих сыновей или племянников. Таким образом, можно признать, что принцип передачи власти Константином разработан не был. После его смерти это послужило причиной противостояния внутри его семьи и привело к гибели большинства его родственников мужского пола летом 337 года.

Заключение.

Подводя итоги, автор обозначает основные выводы, к которым он пришел в ходе своего исследования. Династическая политика Константина Великого, на основании рассмотренных данных, представляется отдельным и довольно важным вектором его деятельности. Автор также отмечает ряд особенностей династической политики императора. Во-первых, это конструирование исторической реальности («редакция» генеалогий – своей и своих противников, например Максенция). Во-вторых, это гибкость в использовании конкретных лиц в рамках своей династической политики: тесть Константина, Максимиан Геркулий, последовательно был *auctor*

imperii, затем противником, чья память была предана проклятию, затем предком его сыновей. В-третьих, это замкнутость в пределах своей семьи: все вошедшие в династию посредством брачных союзов (тесть Максимиан Геркулий, зятя Лициний и Бассиан) были физически устранены; дети Константина оказались связаны брачными узами со своим кузенами и кузинами (дети братьев Константина). В-четвертых, это господствовавшая внутри семьи Константина стереотипность, которая нашла отражение в принципах наименования ее членов (стереотипные nomina и cognomina; последние являются повторением имени самого Константина или производными от него), а также устоявшаяся и зависимая от образа самого Константина иконография. Все это приводит к мысли, что главной целью династической политики, ставшей ответом на кризис и падение тетрархии Диоклетиана, представляется обеспечение идейного бессмертия самого Константина Великого. Если тетрархия Диоклетиана, основанная на меритократических принципах и подразумевавшая ротацию членов императорской коллегии, несколько обезличивала фигуру императора, то в рамках своей династической политики Константин, напротив, представлялся центральной и непреходящей фигурой. На нем сходились линии предков и потомков, при этом последние были сходны с ним своими именами и иконографическим образом. Несмотря на нерешенность в силу ряда причин вопроса с передачей власти, Константин добился своей цели: его сыновья были очень привязаны к его образу. Особенно это заметно на примере императора Констанция, который способствовал развитию культа своего отца. Данное обстоятельство, освещенное нами в соответствующей статье²⁹, может стать основой для дальнейших перспективных исследований.

²⁹ *Миролюбов И.А.* «Сын божественного Константина»: об особенностях культа Константина Великого в правление императора Констанция // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 1. С. 152–160.

Список публикаций соискателя по теме диссертации:

I. Научные статьи по теме диссертационного исследования, опубликованные в журналах Scopus, WoS, RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 07.00.03 – Всеобщая история:

1. Миролюбов И. А. Константин Великий в «Истории против язычников» Павла Орозия // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 4. – С. 62–70. (0, 9 п.л.).

2. Миролюбов И. А. Император Лициний в свете пропаганды Константина Великого // Исторический журнал: научные исследования. – 2016. – № 4. – С. 436–440. (0, 4 п.л.).

3. Миролюбов И. А. Констанций и Юлиан: споры о бороде // Электронный научно-образовательный журнал История. – 2017. – Т. 8, № 3 (57). (0, 4 п.л.).

4. Миролюбов И. А. Анастасия, сестра Константина Великого, в контексте его династической политики // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – № 3. – С. 90–98. (0, 7 п.л.).

5. Миролюбов И. А. О практике ношения диадемы Константином Великим // Исторический журнал: научные исследования. — 2018. – № 1. – С. 52–58. (0, 4 п.л.).

6. Миролюбов И. А. «Сын божественного Константина»: об особенностях культа Константина Великого в правление императора Констанция // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2018. – № 1. – С. 152–160. (0, 7 п.л.).

II. Научные статьи, опубликованные в журналах, входящих в перечень изданий, рекомендованных ВАК:

7. Миролубов И. А. Константин Великий в клетке со зверем // Индоевропейское языкознание и классическая филология. — 2017. — Т. 21. — С. 571–579. (0, 6 п.л.).

III. Другие публикации:

8. Миролубов И. А. Об образовании императора Константина Великого // Аристей. — 2016 — Т. 13. — С. 90–95. (0, 5 п.л.).

9. Миролубов И. А. Брат господина нашего Константина Августа: о карьере Юлия Констанция // Аристей. — 2017. — Т. 16. — С. 45–54. (0, 6 п.л.).